Newsweek: Польша и Холокост. Как нарушить закон

Константи Геберт

30 лет назад Константи Геберт нарушал закон. Постоянно. Он принимал участие в антиправительственных протестах. Писал статьи для подпольных газет. Помог организовать подпольный университет, где преподавались предметы, запрещенные властями.

Но после краха польского коммунистического правительства в 1989 году Геберт, по его словам, старался уважать ту диктатуру закона, за которую поляки так долго боролись. Однако в этом году правящая правая партия «Право и справедливость» (ПиС) добилась, чтобы обвинения в адрес польского народа в причастности к преступлениям нацистов стали противозаконными. Геберт счел, что обязан высказаться. Поэтому спустя несколько дней после вступления закона в силу 64-летний журналист-еврей опубликовал статью в Gazeta Wyborcza. «Многие представители польской

нации, — написал он, — несут совместную ответственность за ряд преступлений нацистов».

Пока Геберт остается на свободе, однако после этой публикации ему грозит тюремное заключение сроком на три года или внушительный штраф *. «Я все еще жду, — говорит он в интервью Newsweek. — Прокуратура заявила, что на основании нового закона уже поступило 44 жалобы. Надеюсь, я попал в этот список».

С 1939 по 1945 год Польша стала жертвой жестокой нацистской оккупации, в ходе которой погибло 3 миллиона польских евреев и 2,5 миллиона этнических поляков. Тем не менее каждый год, как утверждает заместитель министра иностранных дел Польши Бартош Цихоцкий, посольства Польши в разных странах фиксируют более полутора тысяч случаев, когда в преступлениях нацистов обвиняют именно Польшу, а не Германию. Сюда относится все — от упоминаний о «польских» лагерях смерти, до утверждений, что Варшава сотрудничала с Гитлером в период Второй мировой. «Многие не обладают даже базовыми знаниями по истории Польши, — говорит он. — Когда люди говорят о Холокосте, то упоминают только жертв-евреев и палачей-поляков».

Однако критики утверждают, что этот закон — масштабная атака на свободу слова, спланированная ПиС, чтобы заткнуть рот критикам. «Это своего рода огромная дубина, нависшая над головами тех, кто хочет обсуждать Холокост, — говорит Геберт. — Теперь правительство может нанести удар по ним в любой момент, когда это будет политически выгодно».

Многие оказывали сопротивление Третьему рейху, и «Яд Вашем» признал более шести тысяч поляков праведниками народов мира за спасение евреев. Для поляков антифашистское сопротивление в период Второй мировой войны — это источник гордости и национальной идентичности. «В Польше никогда не было правительства, сотрудничавшего с Третьим рейхом, и в ней никогда не было своей дивизии СС, — отмечает премьер-министр Матеуш Моравецкий в журнале Foreign Policy. — Мои близкие родственники спасали евреев. В самый тяжелый момент связь между поляками и евреями оказалась сильнее невообразимой жестокости нацистской оккупации».

Ян Гросс

Ян Грабовский

Однако в последние три десятилетия — после рассекречивания архивов в 1989 году — исследователи стали поднимать гораздо более мрачную тему — тему коллаборационизма. В 2001 году американский историк польско-еврейского происхождения Ян Гросс спровоцировал общенациональную дискуссию своей книгой «Соседи. История уничтожения еврейского местечка», где рассказал о том, как в 1941 году в горящем амбаре, где их заперли местные жители, погибли 340 польских евреев. В 2006 году вышла вторая книга Гросса — «Страх: антисемитизм в Польше после Аушвица» — о жестокости поляков по отношению к евреям уже после освобождения страны от нацистов.

В 2013 году другой польский историк — Ян Грабовский — выпустил книгу «Охота на евреев: предательства и убийства в оккупированной немцами Польше». Он подробно анализирует документы и записи, сделанные в городе Домброва-Тарновска. Согласно свидетельствам, подавляющее большинство евреев, прятавшихся от нацистов, были преданы — а в некоторых случаях даже убиты — польскими соседями.

Оба историка утверждают, что жестокость по отношению к евреям не прекратилась после войны. Год спустя в деревне Кельце польская полиция,

солдаты и простые граждане убили более 40 евреев, переживших нацистскую оккупацию. «Это было не единичной вспышкой ненависти, — пишет Грабовский, — а продолжением практики военных времен, которая была хорошо знакома всем жившим на оккупированной территории».

«Я считаю, что действия людей в определенном смысле носят универсальный характер, — говорит Грабовский. — Ваш сосед просит вас о помощи. Если вы поможете ему, вас могут убить, а если нет, тогда убить могут его. Вы сталкиваетесь со страшным выбором. И об этом необходимо говорить».

Тем не менее, согласно результатам опроса, проведенного в 2017 году, разговоры о причастности поляков к преступлениям нацистов «раздражают» более 55% граждан. «В Польше никогда подробно не изучались не только оккупация и война, но и отношение к евреям в военный период, — говорит Грабовский. — Эти темы замяли и забыли».

Заявления о том, что страна принимала участие в Холокосте, только укрепили убежденность крайне правых в том, что страну атакуют иностранные силы. Подобно премьер-министру Венгрии Виктору Орбану, Ярослав Качиньский отчаянно сопротивлялся требованиям Евросоюза принять мигрантов. И подобно тому, как Орбан упирал на несправедливое отношение к Венгрии после окончания Первой мировой войны, мобилизуя националистический электорат, Качиньский «вызывал демонов» Второй мировой. В 2016-м Варшава пригрозила лишить Гросса — профессора Принстонского университета — высшей награды Польши — Ордена Заслуг — за то, что в статье для Die Welt он написал, что Польша «убила больше евреев, чем немцев во время войны».

Протесты в Варшаве. На плакате: «Холокост сделан в Германии. Прекратить еврейские нападки на Польшу!»

Официальной мишенью нового закона о Холокосте стала формулировка «польские лагеря смерти», используемая для обозначения Аушвица и других нацистских концлагерей. Однако критики усматривают здесь подмену понятий. Дело не только в том, что до 2015 года эта формулировка почти не использовалась: даже историки-ревизионисты не утверждают, что поляки создавали лагеря смерти. «Если вы полагаете, что [польские лагеря смерти] — объект этого закона, вы заблуждаетесь, — говорит Грабовский. — Весь вопрос в том, кто порочит репутацию польской нации… Это губительный, вредоносный закон».

Вредоносный или нет, но он очень нравится лагерю Качиньского. В апреле ультраправое Национальное движение призвало начать расследование в отношении президента Израиля Реувена Ривлина, заявившего в беседе с президентом Польши Анджеем Дудой, что факт пособничества поляков нацистам «нельзя игнорировать». Учитывая, что в конце этого года в Польше пройдут муниципальные, а в следующем году — общенациональные выборы, время для призыва было выбрано не случайно. «Если правительство отступит, оно потеряет голоса фашистов, а это около 10% электората», — пояснил Геберт.

Варшава заплатила за это очень высокую цену на международной арене. Даже убежденные поборники жесткого курса были шокированы тем, какую ярость вызвал этот закон и как долго эта ярость не утихает. Вашингтон обвинил Польшу в беззастенчивом наступлении на свободу слова, а Израиль заявил, что принятие этого закона сродни отрицанию Холокоста. Польша, уже успевшая поссориться с Евросоюзом из-за реформы судебной системы, внезапно обнаружила, что число ее союзников стремительно уменьшается.

Премьер-министр Моравецкий еще больше усугубил ситуацию, заявив на Мюнхенской конференции по безопасности, что евреи — как поляки и русские — тоже виновны в Холокосте.

Этот его комментарий стал ответом на вопрос журналиста Ронена Бергмана, чьи родители были родом из Польши и пережили Холокост. В своем эмоциональном выступлении Бергман рассказал о том, как соседи его матери предали ее во время нацистской оккупации. С точки зрения Бергмана, ответ премьер-министра продемонстрировал, что дебаты вокруг нового закона касаются не только прошлого, но и настоящего. «У меня слезы наворачивались, — говорит он. — Я думал, Моравецкий скажет нечто вроде «я сожалею о вашей потере». Вместо этого он смотрел на меня как на досадную помеху. Мне стало ясно, что мы обсуждаем не только историю».

Если ответ польского премьера показался Бергману пренебрежительным, то реакция националистов задела его за живое. В Интернете появились слухи о том, что семья Бергмана якобы выдавала евреев нацистам. «Ужасные, ужасные вещи, — сказал Бергман, комментируя сообщения, которые приходили ему онлайн. — Это была организованная кампания. Это стало моим

первым столкновением с чем-то подобным, и оно оставило глубокий след».

Дуэль Ронена Бергмана с премьер-министром Моравецким в ходе Мюнхенской конференции по безопасности

Статистика, собранная Польским центром по изучению предубеждений, показывает, что антисемитизм в Польше набирает обороты. С 2008 по 2013 год число поляков, убежденных в том, что евреи совершают ритуальные убийства, выросло с 12% до 24%. Между тем 85% респондентов признались, что никогда не встречали евреев в Польше.

Это не удивительно, поскольку две трети из 300 тысяч польских евреев, переживших Холокост, после войны эмигрировали в Израиль. Еще 20 тысяч покинули Польшу в 1968 году, когда коммунистическое правительство инициировало «антисионистскую» кампанию. В 2012 году только 8 тысяч человек в Польше назвали себя евреями.

Польское правительство, желающее наладить более тесные отношения с Израилем, отрицает, что в стране растет антисемитизм. По словам Цихоцкого, правительство Польши финансирует исследования, выставки и открытие музеев, отражающих противоречивые аспекты Второй мировой войны. Один

из примеров — Музей истории польских евреев, открытый в 2013 году на месте бывшего гетто в Варшаве. «Мы не боимся даже самых мрачных страниц нашей истории, — подчеркивает он. — Этот закон не наказывает людей, утверждающих, что поляки или группы поляков участвовали в зверских преступлениях немцев. Никто не ограничивает свободу слова в Польше».

Несмотря на решительную критику со стороны США и Израиля, Министерство юстиции Польши обязано преследовать всех, кто нарушает закон о Холокосте. В марте Дуда отправил этот закон в конституционный суд Польши, которому предстоит вынести свое постановление. Критики считают этот шаг попыткой правительства дистанцироваться от того, что превращается в чрезвычайно токсичную политическую тему.

По мнению некоторых, Качиньский, возможно, надеется, что конституционный суд рекомендует внести изменения в этот закон, чтобы он стал более приемлемым для Израиля и США и при этом не рассердил его электорат. Партия «Право и справедливость» рассчитывает получить две трети мест в парламенте на выборах 2019 года, а это значит, что она не может допустить, чтобы ультраправые сочли ее слабой.

Это довольно сложная и деликатная задача, и даже если Качиньский решит, что в обмен на победу на выборах он может превратить Польшу в изгоя на международной арене, Геберт настроен оптимистически. В самой Польше и за ее пределами началось заметное сопротивление этому закону — письма, акции протеста и заявления религиозных и политических деятелей.

По словам Геберта, в период антисионистской кампании 1968 года у польских евреев не было союзников. Тот момент оказал сильное влияние на его жизнь и взгляды — и не только потому, что полиция впервые избила его. Именно тогда он понял, что коммунистическую систему невозможно реформировать — ее можно лишь свергнуть. И им придется делать это в одиночку.

На обложке: «Атака на Польшу»

Заместитель министра иностранных дел Польши Бартош Цихоцкий

Теперь, спустя 50 лет, все изменилось. «На этот раз мы не одни, — говорит он. — Внутри польского гражданского общества идут дискуссии о том, в какой стране мы хотим жить. Оппозиция на нашей стороне. Мы видим общественную критику этого закона, солидарность с евреями, демонстрации».

Возможно, именно поэтому Геберт чувствует себя не просто уверенно, но и вполне комфортно, нарушая этот закон. «Это было непростое решение, — говорит он. — Но я нарушаю его для того, чтобы узнать, как он работает».

Орландо Кроукрофт, Newsweek

Публикуется в сокращении

* На днях уголовная ответственность за упоминание причастности поляков к преступлениям нацистов была отменена согласно решению Сейма